

И. Ф. УШАКОВ.
Доктор
исторических наук

СААМЫ В СТОЛИЦАХ

По своему характеру саамы не были склонны к дальним путешествиям и редко отлучались из родных мест. По словам И. Г. Георги, этнографа XVIII века, оторванные от отечества, они «умирают больше от сокрушения своего по родине». Но разные жизненные обстоятельства иногда приводили их в российские и даже зарубежные столицы.

Знакомство саамов с Русью началось еще в новгородские времена. С присоединением Лапландии к Москве (1478 г.) поездки саамов в центральную Россию учащаются. Русский дипломат Григорий Истома, побывавший в Лапландии в 1496 году, рассказывал о саамах австрийскому послу С. Герберштейну: «Они носят платье, которое шьют саами из шкур различных зверей, и в таком одеянии иноческое явления в Москву». В 1526 году, в связи с принятием христианства, приезжали «к Москве лопляне с моря-окияна, из Кандалакшской губы, усть Ни- вы реки, из Дикой лопи и били челом государю... прославити их святым крещением...». Шесть лет спустя с той же целью побывали в Новгороде Великом «лопляне с Мурманского моря, с Колы реки и Туломы».

Лапландцы слыли в Европе за искусственных колдунов и прорицателей. Иван Грозный, по сообщению историка Н. М. Карамзина, незадолго до смерти пригласил к себе не-

сколькох саамов-гадателей, отвел им в Москве дом и пытался получить у них сведения о своей судьбе.

Чаще всего саамы приезжали в Москву для уплаты дани и подачи царю челобитных (прощений).

Кольские власти, собирающие подати с тяглого населения, чинили саамам «насильства и грабежи», неплатильщиков нещадно били «на правеже», кроме государственных денег требовали себе «посулов (подарков) и подвод». Поэтому саамы разных погостов предпочитали отвозить дань в Москву, хотя расходы на дорогу в столицу «на две тысячи верст» составляли «мало не столько же», как возложенная на них сумма дани, а сама поездка («московская волокита») в зимнее время занимала более месяца в одном направлении.

Во избежание ограбления в Москву посылались «с казной» несколько человек, наиболее отважных и хорошо знавших русский язык. Сохранилось свидетельство, что в 1606 году во время обеда, который давал Лжедмитрий I в честь Юрия Мнишека и других знатных поляков в Кремле, «привели во дворец на показ 20 лопарей, бывших тогда в Москве с данью» и рассказывали любознательным иноземцам о жизни «сих странных» людей на краю света, без домов и храмов.

Показательно, что многие современники Лжедмитрия считали его «ведуном», на-

ученным сему адскому искусству лапландскими волшебниками».

В 1617 году саамы посыпали к царю Михаилу Федоровичу «от всей Лопской земли бить челом» своего доверенного Рудака Андреева, который блестяще выполнил данное ему поручение и привез указ о невъезде кольских сборщиков дани в саамские погосты. «И мы их пожаловали, — сообщалось в царской грамоте воеводе Пимену Юшкову, — велели им тую дань самим збирать... и привозить к Москве на срок на Евдокеин день (1 марта) ежегод по 50 рублей».

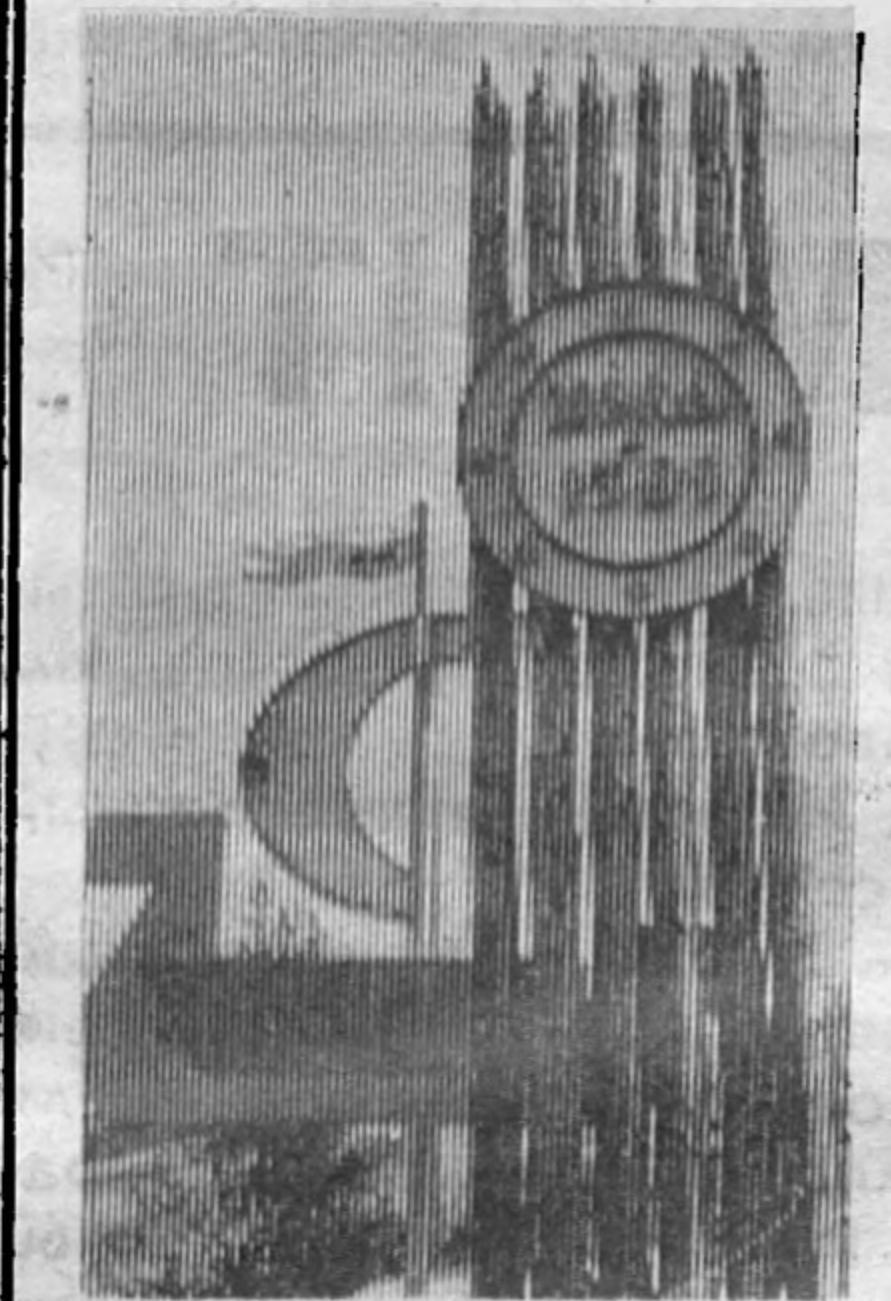
Никакие указы однако не смогли оградить саамов от произвола и незаконных поборов местной администрации. На протяжении XVII века саамы неоднократно направляли челобитчиков в Москву, ища защиты от притеснений и угрожая «разбрестись врознь» и даже уйти «за рубеж», если кольские власти будут продолжать чинить насилия. В 1628 году иоканские саамы вынуждены были занять 120 рублей под налог своих промысловых угодий на «московский езд» для челобитья о своих нуждах.

Нотозерским и сонгельским саамам пришлось вести в Москве длительную тяжбу с печенгскими монахами, захватившими у них туломские семужки ловли. В 1651 году саамы Иван Андреевич Колпак «с товарищи», будучи в

Москве, добились возвращения туломских угодий «прежним владельцам». В 1676 году Иван Колпак и Григорий Фефилов вместе с наемным ходатаем колянином Петром Приданниковым ездили в Москву для подтверждения прав саамов на рыбные ловли по реке Туломе царем Федором Алексеевичем. Но в 1686 году печенгские старцы отсудили спорные угодья во владение монастыря. Тогда в Москву отправились с челобитьем саамы Герасим Бородин и Афанасий Родионов. Их миссия увенчалась успехом, но в дело вмешался архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий Любимов, по настоянию которого саамы в 1689 году дали монахам «мировую запись» с обязательством впредь под угрозой взыскания 1000 рублей неустойки «не бить челом» и «не вступаться» в туломские ловли. Падунское и Кривецкое «згодье» переходило во владение Печенгского монастыря, а саамам оставались рыбные и звериные промыслы в лесах и озерах. И только в 1697 году вопрос был решен в пользу саамов.

Некоторые саамы являлись стрельцами. По списку 1705 года в кольском полку служило 14 саамов. Один из них — Артемий Ефремович Миклюк был активным участником антивоеводского выступления в 1698 году, когда стрельцы и посадские люди города Колы «учали збирать круги и заводить бунт и ко-

КОЛЬСКИЙ КРАЙ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

злоупотреблениях. Вскоре по требованию отца воеводы сми были «взяты в Преображенский приказ, посажены за караул и окованы». После нескольких допросов арестованных перевели в подвал Андроникова монастыря, где их продержали в «железах» два года. По боярскому приговору от 21 февраля 1701 года А. Миклюк был освобожден «безнаказания» и отпущен домой. В 1731 году понойские и иоканские саамы, 450 человек, захотели освободиться от своих вотчинников — Воскресенского и Крестного монастырей. Саамы рассчитывали закрепить за собой богатейшие семужки ловли восточной Лапландии и сдавать их в аренду по вольной цене частным промышленникам. Они отправили в Москву «мирских посыльщиков» — русского крестьянина села Поной Сидора Русинова, «грамоте читать и писать художного», и лунданского саама Василия Осиповича Бородина. Челобитчики пробыли в Москве всю зиму 1731—32 года. («С Покрова великого поста первыя недели»), подавая прошения в разные учреждения. Затем, «ничего не получая», В. О. Бородин вернулся в Поной, а С. Русинов с промышленником М. Я. Панфиловым направились в Петербург, где подавали прошения в Камор-коллегию и императрице Анне Ивановне, но не смогли добиться нужного решения. В 1733 году вышло постановление: быть саамам «в послушании тем монастырям».

(Окончание следует).